

Песня слышится и не слышится

СОВЕТСКАЯ песня занимает достойное место среди других видов искусства в деле эстетического воспитания народа. В преддверии 50-летия Великого Октября композиторы и артисты готовят новые произведения, созвучные духу времени и большому празднику страны. Министрство культуры СССР, секретариат правления Союза композиторов СССР и ЦК ВЛКСМ решили провести всесоюзный конкурс на лучшее исполнение советской песни и на лучшую советскую песню. В состав организационного комитета конкурса вошли представители Министрства культуры СССР, ЦК ВЛКСМ, известные композиторы А. Пахмутова, Р. Шедрин, К. Хачатурян и другие.

Какие проблемы волнуют сегодня творцов советской песни? Ответить на этот вопрос мы попросили председателя оргкомитета конкурса народного артиста СССР Л. О. Утесова. Сегодня мы публикуем его ответ.

Э СТРАДНАЯ песня существует, и с этим теперь ничего не поделаешь. Пока шли бурные дискуссии о том, нужна ли она вообще или нет, аргументы спорщиков потонули в многоголосом звучании эстрадных оркестров, возникших в последние годы чуть ли не при домоуправлениях.

Но, как говорится, большие дети — большие заботы. Теперь речь идет о другом: стоило ли хорошую задушевную песню о ямщике менять на «Ландыши»? Или на «Королеву красоты»?

Что же такое сегодняшняя советская эстрадная песня — по манере исполнения, по содержанию, по музыкальному языку? Обязательно ли это именно та, которая подхвачена всеми, звучит с пластинок, из репродукторов паромов? Всегда ли широко распространенная мелодия достойна именоваться лучшей или таким образом создаются порой фальшивые эталоны? Словом, вопрос вопросов всего советского искусства — о подлинной современности содержания и стиля — актуален и применительно к песне.

В двадцатых — тридцатых годах советская песня обладала ярко выраженной индивидуальностью. И музыка, и слово ее — все выражало борьбу, созидание, обретенную в трудных битвах свободу. Часто местом ее рождения становилась концертная сцена или киноэкран, откуда она и разлеталась по планете. До сих пор еще в любом уголке земного шара можно услышать мелодии Дунаевского

из фильмов тридцатых годов.

Потом — военная песня с новыми, тревожными и суровыми, нотами, походная или лирическая. Помню, как в затемненной Москве, в холодном помещении театра имени Ленинского комсомола весь зрительный зал стоял, когда наш оркестр исполнял «Темную ночь». Песня объединяла сердца и мысли, становилась выразителем общей тоски и общего мужества.

Т ЕПЕРЬ в жизни советской песни наступил новый этап. Заметно выросла ее музыкальная культура. От наивных образов и маршевых основ она шагнула в подлинную сложность (очень прошу не путать с усложненностью). Во многих случаях подлинной поэзией стали и слова. Примером такой, на мой взгляд, по-настоящему современной песни может служить работа молодого композитора Андрея Петрова в фильме «Путь к причалу». Простота и благородство формы, небанальность музыкального хода и задушевный лиризм — вот что сделало мелодию такой известной.

И очень обидно бывает, когда композиторы гонятся за популярностью, принося ей в угоду вкус и прочие существенные категории. Возможно, это оскорбительно для автора, что я поставил «Королеву красоты» в один ряд с пресловутыми «Ландышами». Но когда я слышу этот «шлаггер», мелодия которого укладывается в два аккорда на гитаре, всегда как-то не верится, что написал ее Бабаджанян, талантливый, серьезный композитор, чьи произведения вошли

в обязательную программу на Международном конкурсе имени Чайковского.

Часто разгораются споры вокруг сочинений Булата Окуджавы, Новеллы Матвеевой и Александра Галича. Конечно, легче всего отмахнуться от их произведений как от стоящих вне столбовой дорожки искусства песни, или сделать вид, что их нет вовсе. Но придется все-таки констатировать, что их запоминают, записывают на магнитные ленты.

Слов нет, музыкальные ходы большинства этих песенок примитивны предельно и укладываются в те самые «два аккорда» (прошу прощения, что я объединяю их все и говорю о них «скопом», но ведь речь идет о некоем явлении).

Однако они прокладывают путь к сердцам. Почему?

В них, точнее в литературной их основе, есть замечательное качество поэзии, далеко не всегда принимаемое во внимание литераторами, работающими вместе с профессиональными композиторами. Любая или почти любая песня, к примеру, Матвеевой — это законченная новелла, в ней есть человеческая судьба, опозитированная житейская ситуация.

Не случайно среди композиторов существует чуть ли не узаконенный термин: «рыба». «Рыба» — абракадабра, набор слов в определенном ритмическом строе. Появляется этаким борзописцем и заполняет абракадабру не менее бессмысленным гарниром рифм вроде: люблю — горю, безлунная — семиструнная. И песня не рождается, как бы ни была хороша сама мелодия.

Мне приходит на память известный пример «творческой деятельности» электронной машины Маскачутского университета «Мук», которой по программе предлагалось из определенного словаря с учетом правил грамматики состав-

лять любовное письмо. И она «составила»: «Мое маленькое сокровище! Моя аразумительная привязанность чудесно привлекает твой ласковый восторг. Ты мое любящее обожание, мое распирающее грудь обожание. Мое братское чувство с затаенным дыханием ожидает твоего дорогого нетерпения. Обожание моей любви нежно хранит твой алчный пыл. Твой тоскующий Мук!».

Я считаю, что математики и их умное дитя преподали поэтам хороший урок. Подобную унылую «машинную» лирику нередко приходится слышать с концертной сцены, текст песни очень часто по художественному уровню намного уступает музыке.

С ОХРАНЯЮТ, подогревают своим теплом жизнь песни миллионы людей, но даруют ей эту жизнь трое: композитор, поэт и артист. От последнего часто во многом зависит, сложится или не сложится многолетняя, многоголосая судьба песни.

Вспомните, появлению скольких любимых наших мелодий мы обязаны Клавдии Шульженко. Немало звезд восходило за три десятилетия на эстрадном небосклоне, но свет их часто оказывался быстротечным. Они, как бенгальские огни, вспыхивали, но не грели. А искусство Клавдии Шульженко близко и дорого самым разным поколениям.

Когда Шульженко выходит на сцену, мы с волнением ждем первых вступительных аккордов. Потому что знаем: шагнет сейчас замечательная артистка к рампе, и откроется перед нами завеса в чью-то незнакомую, но всегда узнаваемую жизнь, в чью-то радость или беду, тоску или счастье. Каждый исполненный Шульженко номер — это самостоятельная пьеса, включающая в себя человеческую судьбу.

И не за это ли чтит благодарный мир память умершей недавно Эдит Пиаф, не таким ли качеством дорогого многим искусство ее ученика Ива Монтана? У французов вообще исполнительская культура песни высока и питается богатыми национальными традициями. Именно национальными — это очень важно.

Недавно мне довелось побывать в Лужниках на большом эстрадном концерте, объединявшем певцов некоторых стран. Как правило, хороших певцов. Но когда я возвращался домой, мне казалось, что я весь вечер слушал одного и того же человека.

Все делалось актерами вроде грамотно и профессионально, но всем им и каждому из них не хватало собственной индивидуальности, неповторимости художественной манеры и традиций, накопленных их народами. То есть как раз того, что делает искусство искусством.

Многие наши певцы, стремясь стать современными, путают это высокое понятие со словом «мода». Один раз кто-то спел вполголоса, понравился публике, и вот уже, смотришь, все потихонечку начинают шептать в микрофон. И образуется некая безликая шепчущая масса.

Подражательство, эпигонство — враг номер один каждого художника, и во сто крат столько же — певца, выступающего в филармонических и эстрадных концертах. Не знаю, откуда именно пришла эта манера пританцовывать в такт исполняемой мелодии, но в том самом представлении в Лужниках так делало большинство участников. А повторение, как известно, мачеха творчества. В хорошем доме копию не вешают. Пусть маленькая картина, но оригинальная.

Можно было бы проиллюстрировать эту мысль примерами, но разве в них дело? К сожалению, нивелировка и эпигонство в исполнительстве на эстраде — болезнь сегодня довольно распространенная.

И как хорошо будет, если предстоящий конкурс порадует нас не только количеством участников, не только возражающей музыкальной культурой, но и подарит нам новые яркие индивидуальности.

Всякий приходящий на сцену располагает определенным отрезком времени. Речь идет здесь не о количестве прожитых в искусстве лет, а об исчерпаемости таланта, точнее, о его неисчерпаемости.

Вместе со всеми я жду рождения нового чуда — талантов, которые, появившись, не потеряют новизну и через двадцать лет.

Жду новых артистов. Жду неоткрытых песен. Жду нового открытия старых любимых мелодий (это очень дорого, что в обязательной программе конкурса — песни эпохи революции, гражданской и Отечественной войн, столь дорогие советским людям всех поколений).

Хочется (и здесь у меня не только общественный интерес, но и, понятно, личный) познакомиться с только что сочиненными песнями А. Петрова, А. Колкера, М. Фрадкина и многих других (кстати, затянулось почему-то молчание чудесных «стариков»: Соловьева-Седого, Покрасса, Блантера и многих любимых наших композиторов).

Заканчиваю рассказ словами Михаила Светлова:

Мне б запеть под оркестр
Только что сочиненную песню,
Удивительно скромную девушку
Вдруг полюбить,
Погибать, как бессмертный солдат

В героической пьесе,
И мучительно думать в трагедии:
«Быть или не быть?».

Не правда ли, хорошо выражен в этом стихотворении (оно так и называется «Артист») смысл нашей нелегкой и очень нужной людям профессии?

Вот о чем думается перед конкурсом. О том, чтобы, выходя на сцену, мы рождались, страдали и цвели счастьем.

Чтобы были в искусстве Колумбами.